Л. Стдовъ.

СОЦІОЛОГИЧЕСКІЯ ОСНОВЫ НАУКИ

О ВОСПИТАНІИ.

(По Бергеманну).

МОСКВА.
Типо-литографія Товарищества И. Н. Кушнеревъ и К°,
Пименовская улица, собств. домъ.
1901.

Оттискъ изъ журнала „Вѣстникъ Воспитанія“.

Соціологическія основы науки о воспитаніи.

(По Бергеманну) [1].

До тѣхъ поръ, пока всѣ науки о человѣкѣ разсматривали его, какъ изолированнаго индивида, соединяющагося съ другими въ общество только внѣшнею связью,— такое же отношеніе къ человѣку должно было господствовать и въ педагогикѣ. Даже больше. Господство индивидуалистическаго направленія продолжалось въ ней дольше, замѣна его общественнымъ совершалась медленнѣе, чѣмъ въ другихъ наукахъ. И только въ послѣднія 10—20 лѣтъ истекшаго вѣка все глубже стало входить въ общее сознаніе, что «нѣтъ воспитанія внѣ общества», что «только въ обществѣ человѣкъ становится человѣкомъ», «только соціальное воспитаніе можетъ быть признано разумнымъ, то воспитаніе, которое видитъ въ воспитываемомъ пассивнаго члена существующаго и активнаго члена преобразовывающагося общества».

Прочное господство индивидуализма въ наукѣ о воспитаніи, трудность убѣдить педагоговъ въ недостаточности индивидуалистической теоріи воспитанія коренится въ своеобразномъ отношеніи воспитывающихъ къ воспитываемымъ. Воспитателю приходится больше, чѣмъ кому-

---

[1]) *P. Bergemann.* Soziale Pädagogik, Zweiter Teil: Die soziologischen Grundlagen der Erziehungslehre.

нибудь другому, считаться съ индивидуальными свойствами человѣка; мало-по-малу въ его глазахъ они пріобрѣтаютъ необычайную важность, и онъ совершенно теряетъ правильный масштабъ, начинаетъ преувеличивать индивидуальное и просматривать общее. Въ предметѣ своихъ попеченій онъ видитъ совершенно самостоятельный, независимо отъ всего прочаго существующій объектъ, съ извѣстными физическими и духовными задатками, этою почкой будущаго цвѣтка. Задача его, по его мнѣнію, заключается въ томъ только, чтобы помочь распуститься почкѣ.

Такой субъективизмъ психологически вполнѣ объяснимъ, но онъ все-таки остается субъективизмомъ, заблужденіемъ. Правда, многіе индивиды отличаются своеобразными интеллектуальными и волевыми задатками, но въ то же время въ томъ, какъ они думаютъ и поступаютъ, у нихъ есть очень много общаго съ другими людьми, и это совпаденіе не можетъ быть дѣломъ простого случая: нѣтъ изолированнаго индивида, каждый человѣкъ является соціальнымъ существомъ, въ которомъ проявляются одновременно и общія, и индивидуальныя черты, и общія больше, чѣмъ частныя.

Но вѣдь очень долго, не только въ XVIII, но и на протяженіи доброй доли XIX в. индивидуалистическія воззрѣнія господствовали не только въ педагогикѣ, но и въ остальныхъ общественныхъ наукахъ. Общество представлялось тогда механическимъ конгломератомъ индивидовъ, подобно тому какъ песчаникъ является конгломератомъ песчинокъ. Всѣ продукты человѣческаго духа — какъ нравы, мораль, право, рѣчь — считались не созданіями человѣческаго сообщества, а результатами или единичныхъ усилій, или случая, или сверхъестественнаго вмѣшательства; общія желанія, общія дѣйствованія трактовались, какъ равнодѣйствующія многочисленныхъ частныхъ стремленій и поступковъ, и т. д. Только постепенно исчезали фантастическія представленія, только постепенно выяснялось, что человѣкъ является не изолированнымъ

индивидомъ, а частью высшаго цѣлаго, что его мысли, его желанія, его чувства, его духовный міръ вообще является только частицей общаго духовнаго достоянія. И общественныя связи, соединяющія индивида съ цѣлымъ, общая духовная сокровищница, изъ которой приходится черпать ему, гораздо въ большей степени опредѣляютъ его духовный міръ, чѣмъ тѣ или другія индивидуальныя особенности его.

Педагогу никогда, конечно, нельзя будетъ отказаться отъ индивидуализаціи, отъ принятія въ расчетъ всѣхъ особенностей индивида. Но, по мѣрѣ того, какъ все больше уясняется зависимость отъ общества каждаго отдѣльнаго человѣка, приходится все большее вниманіе удѣлять общимъ факторамъ и, сообразно съ этимъ, перестраивать всѣ педагогическія теоріи. Но прежде чѣмъ переходить къ прикладной части, необходимо познакомиться съ тѣмъ фундаментомъ, на которомъ нужно строить. Нужно выяснить, насколько реальнымъ и прочнымъ фактомъ являются общія чувство, воля и мысль, случайный ли и преходящій это фактъ, или онъ былъ и будетъ вѣчнымъ спутникомъ человѣческаго существованія. Теперь средній индивидъ думаетъ, чувствуетъ и поступаетъ по существу такъ же, какъ думаетъ, чувствуетъ и поступаетъ общество, къ которому онъ принадлежитъ, но не всякій является, конечно, слѣпымъ орудіемъ данныхъ природныхъ и историческихъ факторовъ. Этому противорѣчитъ фактъ самосознанія: человѣкъ противопоставляетъ себя, какъ личность, всѣмъ другимъ людямъ, всему остальному міру. Но даже противопоставляя себя всему остальному, мы еще яснѣе сознаемъ свою зависимость отъ этого остального, отчетливѣе понимаемъ, что мы—часть цѣлаго, правда, не слѣпое орудіе его, но сознательные участники общей работы и мыслимы только, какъ участники общей работы и общей жизни. И даже руководящіе умы, геніи, перестраивающіе строй жизни, подлежатъ тому же общему закону. И въ физическомъ, и въ духовномъ отношеніи они являются

продуктами общества. Ихъ способности могли развиться только въ обществѣ, успѣхъ ихъ реформаторской работы мыслимъ лишь благодаря извѣстнымъ видоизмѣненіямъ, подготовлявшимся медленнно и незамѣтно, неразличимымъ еще на поверхности, но въ глубинѣ таящимся уже въ зачаточномъ состояніи. Потребность уже назрѣла, есть темное чувство, нужно только открыть глаза.

Соціальная обусловленность мыслей, чувствъ и дѣйствій человѣка могла явиться, конечно, лишь въ результатѣ долгаго совмѣстнаго существованія людей. Со времени появленія на землѣ, человѣкъ всегда жилъ лишь въ обществѣ себѣ подобныхъ. На протяженіи того пути, которое прошло человѣчество, размѣры общества, его строй подвергались многочисленнымъ измѣненіямъ. Каждый изъ тѣхъ круговъ, въ которомъ пришлось вращаться человѣку, клалъ на него свой отпечатокъ, передававшійся по наслѣдству послѣдующимъ поколѣніямъ. Отъ зари человѣчества и до нашихъ дней человѣку пришлось пройти долгую школу общественнаго воспитанія. Мы позволяемъ себѣ остановиться на исторіи этой школы, такъ какъ знакомство съ нею представляетъ далеко не одинъ академическій, но также и практическій интересъ.

На примитивныхъ ступеняхъ развитія общее чувство, воля и мысль выступаютъ еще отчетливѣе, чѣмъ на культурныхъ. Соціальныя формы жизни теперь слишкомъ многообразны и разнохарактерны, каждая является продуктомъ самыхъ различныхъ и подчасъ противорѣчивыхъ воздѣйствій, да и развитіе общества, благодаря индивидуализаціи, привело къ извѣстному разрыхленію первоначальной солидарности. Нѣкогда общественные круги были меньше, проще и тѣснѣе, не было другихъ привходящихъ вліяній, не было сознанія и переоцѣнки собственнаго «я»,—и общность—хотя бы какъ темное чувство, а не ясное сознаніе—была прочнѣе.

И инстиктивное влеченіе къ обществу себѣ подобныхъ, замѣчаемое ясно и у млекопитающихъ, стоящихъ ниже человѣка, и потребность въ защитѣ заставляли первобытнаго человѣка соединяться въ группы или орды, лишенныя вначалѣ всякой организаціи. Организація вырастаетъ, повидимому, на почвѣ ограниченія неупорядоченныхъ вначалѣ половыхъ отношеній: изъ круга этихъ отношеній исключаются сперва родители и дѣти, затѣмъ братья и сестры, наконецъ, двоюродные и т. д. родственники. Вырастаютъ извѣстныя представленія о кровной связи, о кровномъ родствѣ, препятствующемъ взаимнымъ половымъ отношеніямъ. Принципъ кровнаго родства, происхожденіе отъ одной матери кладется въ основу дѣленія общества.

Примитивная орда распадается на рядъ группъ, родовыхъ семей, во главѣ которыхъ стоитъ женщина. Половыя отношенія разрѣшаются только между группами, но не внутри группъ [1]). Какъ результатъ дальнѣйшихъ ограниченій, групповые браки переходятъ мало-по-малу въ болѣе или менѣе продолжительныя отношенія одного мужчины къ одной женщинѣ и, наконецъ, въ единобрачіе. Ограниченія правъ вступленія въ бракъ замѣняетъ прежній избытокъ женщинъ недостаткомъ ихъ, пополняемымъ куплей или кражей женщинъ другого племени.

При куплѣ и кражѣ женъ, женщина попадаетъ въ полную зависимость отъ мужчины. Прежнее господствующее положеніе женщины — если не въ общественной жизни, то въ собственномъ родѣ—такъ наз. «материнское право» (существованіе котораго доказано для очень многихъ внѣевропейскихъ племенъ, а отчасти и для германцевъ)— смѣняется господствомъ мужчины, патріархальнымъ строемъ. Относительно причинъ, породившихъ эту смѣну,

---

1) Возможна группировка и по другимъ принципамъ,—группировка, напримѣръ, по возрастамъ, наблюдаемая у нѣкоторыхъ примитивныхъ народовъ.

существуютъ лишь болѣе или менѣе остроумныя догадки. Наиболѣе интересной представляется намъ теорія Липперта. Въ первобытномъ обществѣ, думается ему, можно различать двѣ организаціи: женскую, болѣе осѣдлую, занимавшуюся земледѣліемъ, и подвижную мужскую, жившую охотой. Женщины, бывшія обладательницами тѣхъ запасовъ, какіе давалъ урожай хлѣба, получали перевѣсъ надъ мужчинами, жизнь которыхъ зависѣла отъ невѣрныхъ результатовъ охоты. Постепенно однако мужчины начинаютъ не только охотиться за животными, но и приручать ихъ, дѣлаются собственниками стадъ и одерживаютъ верхъ надъ женщинами-земледѣлицами.

Въ новомъ строѣ материнское право смѣняется отцовскимъ, прежніе материнскіе роды замѣняются домохозяйствами, имѣющими одного главу, но распадающимися на рядъ отдѣльныхъ семей. Въ материнскихъ родахъ, повидимому, существовала общая собственность, теперь каждая семья получаетъ отъ общаго главы, отъ патріарха, извѣстную долю общей собственности въ частное владѣніе. Постепенно у представителей отдѣльныхъ семей появляется желаніе завладѣть, какъ исключительною собственностью, въ награду за свой трудъ, тѣмъ, что сперва лишь временно отдѣлялось въ ихъ владѣніе.

Желаніе это переходитъ въ дѣйствительность, приводитъ къ дѣленію общей собственности, къ отпаденію частей патріархальной семьи, какъ отпали стада Лота отъ стадъ Авраама.

Переходя къ исторіи патріархальной семьи, мы покидаемъ почву догадокъ и можемъ располагать точно установленными фактами. Въ томъ видѣ, какъ намъ рисуетъ, напримѣръ, эту исторію Библія, патріархальная семья представляетъ рядъ семей одного и того же происхожденія, ведущихъ свое начало отъ одного супружества или, по крайней мѣрѣ, отъ одного отца. Въ семьяхъ этихъ долгое время держится многоженство: иногда бываетъ нѣсколько законныхъ женъ, иногда, кромѣ жены, много на-

ложницъ. Положеніе женщины рѣзко измѣняется по сравненію съ предыдущимъ.

Въ патріархальной семьѣ онѣ освобождаются отъ тяжелыхъ работъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ лишаются всякихъ правъ, привязываются къ дому, становятся въ положеніе домашнихъ рабовъ. Если у первобытныхъ народовъ женщины и не играютъ выдающейся роли въ общественной жизни, то онѣ все-таки равны мужчинѣ, онѣ несутъ работы въ такой же степени, какъ и онъ, не уступая ему ни въ силѣ, ни въ выносливости, какъ свидѣтельствуютъ показанія путешественниковъ относительно ново-гвинейцевъ, с.-американскихъ индійцевъ, австралійцевъ, негровъ и т. д. Не всѣ, конечно, несутъ одинъ и тотъ же трудъ, существуетъ раздѣленіе его, при чемъ на долю женщинъ выпадаютъ тѣ работы, которыя требуютъ развитія, главнымъ образомъ, пассивной энергіи, а на мужчинъ—тѣ, для которыхъ необходимы короткія, но интенсивныя напряженія силъ: мужчины являются воинами, охотниками, скотоводами, они же выкорчевываютъ поля; женщины преимущественно занимаются индустріей, земледѣліемъ, домашнимъ хозяйствомъ; многія работы ведутся совмѣстно мужчинами и женщинами.

Въ это время женщина является не рабой, а товарищемъ мужчины и не подвергается никакимъ мученіямъ съ его стороны. Преслѣдованія и мучительства начинаются съ той поры, какъ мужчина захватилъ большую часть первоначальной области женской дѣятельности, особенно индустріальной. Съ той поры начинается настоящее порабощеніе женщины, такъ опредѣленно выступающее у грековъ классическаго періода. Женщина живетъ у нихъ, охраняемая молосскими псами или (у мало-азіатскихъ грековъ) евнухами, довольствуясь обществомъ рабынь. Она устранена отъ всякихъ высшихъ духовныхъ наслажденій и прикована къ однимъ только механическимъ работамъ. Въ Римѣ положеніе женщинъ нѣсколько благопріятнѣе, но принципіальнаго

различія въ положеніи греческой и римской женщины нѣтъ. Не измѣняется оно и въ средніе вѣка, когда въ «лучшемъ» обществѣ не существовало никакихъ товарищескихъ отношеній между мужчиной и женщиной, когда женщина до брака являлась предметомъ ухаживаній, послѣ брака—старшей служанкой. Между той картиной, которая рисуется въ сладкихъ пѣсняхъ миннезенгеровъ, воспѣвавшихъ женщину, какъ что-то высшее, нѣжное, прекрасное, утонченное, и прозаическою дѣйствительностью, въ которой женщина трактовалась какъ низшее существо, какъ сосудъ діавольскій, не было ничего общаго. Да и теперь еще даже у западно-европейскихъ народовъ (напримѣръ, по новому германскому гражданскому уложенію) женщина находится въ полной зависимости отъ мужчины. У большинства культурныхъ народовъ женщина все еще не принимаетъ участія въ политической жизни и лишена возможности слѣдовать свободно своему призванію. Развитіе попало здѣсь въ историческій закоулокъ, и будущему предстоитъ устранить застарѣлую несправедливость и сдѣлать мужчину и женщину общими работниками въ великомъ дѣлѣ культурнаго прогресса.

Только при измѣненіи въ положеніи женщины возможно и измѣненіе характера семьи. Семья должна и можетъ стать очагомъ для воспитанія соціальныхъ чувствъ и перестать служить школой для развитія одной изъ худшихъ формъ эгоизма—эгоизма семейнаго, школой воспитанія противообщественныхъ тенденцій. А воспитаніе подобныхъ тенденцій неизбѣжно въ той обстановкѣ, гдѣ все направлено къ тому, чтобы побольше накопить и сберечь для дѣтей, научить ихъ покланяться золотому тельцу и подготовить къ устройству собственной карьеры, не считаясь съ тѣмъ, какъ отразится это на благѣ цѣлаго общества.

Характеромъ развитія семьи опредѣлялась, особенно на первыхъ порахъ, и общественная структура. Одно-

родная вначалѣ масса, съ однимъ естественнымъ раздѣленіемъ труда по полу и возрастамъ, постепенно начинаетъ диференцироваться. Очень вѣроятно, что въ эпоху, когда начинаются ограниченія брачныхъ отношеній, мужчины и женщины имѣли отдѣльныя поселенія. Дѣти долго оставались при матери: дочери — навсегда, сыновья — до возмужалости. Съ другой стороны, поселялись совмѣстно взрослые мужчины. Все разрастающееся племя распадается затѣмъ на рядъ отдѣльныхъ родовъ, построенныхъ на принципахъ родства. То было время материнскаго права, родоначальницей являлась женщина, но политическая власть, если можно о ней говорить для того времени, и тогда, вѣроятно, находилась въ рукахъ мужчины. Иногда, напримѣръ, во время войны, родамъ приходилось дѣйствовать совмѣстно, какъ одному племени, и тогда должно было создаваться нѣчто въ родѣ центральнаго правительства, состоявшаго изъ представителей родовъ. Они образовывали какъ бы племенной совѣтъ, бывшій не постояннымъ учрежденіемъ, а собиравшійся лишь въ спеціальныхъ случахъ для обсужденія вопросовъ войны и мира, столкновеній между родами и т. д.

Обсужденія велись публично, въ присутствіи всѣхъ членовъ племени, имѣвшихъ право вмѣшиваться въ дѣло. Но и каждый родъ имѣлъ свой особый совѣтъ. Во время войны каждый родъ шелъ за своимъ начальникомъ, хотя и могъ быть и общій племенной предводитель.

Если случаевъ для совмѣстнаго дѣйствованія всѣхъ членовъ *племени* было не особенно много, то очень много представлялось ихъ для общенія между собой членовъ *рода*. У рода были общіе игры и танцы, въ извѣстномъ смыслѣ и общія земледѣльческія работы, при которыхъ на долю мужчинъ выпадало выкорчевываніе полей, а на женщинъ падалъ собственно земледѣльческій трудъ. Совмѣстно участвовали члены рода въ нѣкоторыхъ видахъ охоты; общимъ, вѣроятно, было и военное воспитаніе юношества. Были общія помѣщенія для храненія запа-

совъ, а иногда, какъ это и теперь встрѣчается у нѣкоторыхъ изъ первобытныхъ народовъ, и общіе дома, въ которыхъ могло помѣщаться по нѣсколько сотъ человѣкъ.

Строй общества въ эпоху патріархальныхъ семей, смѣнившихъ материнскіе роды, является совершеннѣйшимъ сколкомъ прежняго. Новые роды, считающіе теперь свое начало не отъ прародительницы, а отъ прародителя, совершенно такъ же, какъ и прежде, объединяются общими мѣстами погребенія, взаимнымъ наслѣдованіемъ, взаимною помощью для нападенія и защиты и т. д. Въ этихъ родахъ жена и дѣти живутъ уже не отдѣльно отъ мужа и отца, какъ прежде, а вмѣстѣ съ нимъ. Во главѣ рода стоитъ его большакъ. Разростаясь, патріархальный родъ распадается на части, между которыми все-таки сохраняется извѣстная групповая связь. Группы родовъ образуютъ вмѣстѣ народъ, или вначалѣ только народецъ. Этотъ народецъ имѣетъ общія для всѣхъ группъ родовъ народныя собранія, совѣты, выборнаго военачальника. Иногда такому военачальнику удавалось захватить въ свои руки и больше, чѣмъ временную власть, установить родъ тиранніи, но о неограниченномъ господствѣ даже и такого счастливаго узурпатора не можетъ быть и рѣчи.

Родовая организація должна была пасть, по мѣрѣ того какъ усиливалось могущество отдѣльныхъ семей, какъ росло ихъ богатство и вліяніе. Для такихъ семей становятся узки рамки рода. Онѣ постепенно захватываютъ всѣ важнѣйшія общественныя функціи, становятся столпами общества и опорами государства. «Такъ было въ древности, то же происходило и въ средніе вѣка, когда стихли бури переселенія, новые народы осѣли на мѣстахъ и стали слагаться въ новыя государства. Но и здѣсь, какъ и въ древности, въ противовѣсъ патріархальному аристократизму, возникаетъ противотеченіе, направленное къ демократизаціи общества. Противотеченіе это постепенно растетъ и крѣпнетъ и теперь, послѣ тысячелѣтняго развитія, обѣщаетъ привести къ новой реорганизаціи

общества. И теперь, конечно, семья образуетъ основной построительный элементъ государства и общества, но уже не въ политическомъ, а лишь въ біологическомъ смыслѣ. Политическая власть семей сломлена; только какъ отдѣльныя семьи, могутъ играть онѣ роль. Могущество перешло теперь на сторону большинства, игнорированіе этого факта не мѣняетъ его: давно уже живемъ мы среди преобразованія строя, оно совершается въ тиши, но съ непогрѣшимою опредѣленностью».

Въ результатѣ подобнаго хода развитія, бѣглый очеркъ котораго мы представили выше, должно было возникнуть весьма сильное чувство совмѣстной принадлежности къ чему-то цѣлому, чувство духовной общности, Gemeingeist, говоря нѣмецкимъ терминомъ. Чувство это, на протяженіи вѣковъ, развивалось и совершенствовалось. Вначалѣ это было чувство духовной общности съ человѣческимъ стадомъ, ордою, затѣмъ съ семьею, родомъ и, наконецъ, племенемъ, хотя и родовое и племенное чувство все еще отличались фамильнымъ привкусомъ. Семейственная окраска чувства духовной общности является характерной для первобытныхъ эпохъ развитія человѣчества. Слѣды этой окраски можно, впрочемъ, прослѣдить и дальше, вплоть до нынѣшняго времени. Въ опредѣленныхъ предѣлахъ она сохранится, вѣроятно, и въ будущемъ: природа приковала насъ къ большимъ группамъ, къ народу и обществу, прежде всего, при помощи той привязанности, которую мы чувствуемъ къ своимъ домашнимъ; послѣдніе являются связующимъ звеномъ между индивидомъ и народомъ, какъ народъ въ свою очередь является такимъ же звеномъ между индивидомъ и культурнымъ обществомъ и, наконецъ, всѣмъ человѣчествомъ; но и характеръ семейнаго чувства постепенно мѣняется: въ то время, когда семья и община почти покрывались взаимно, это было инстинктивное и мало диференцировав-

шееся ещё темное чувство; постепенно оно становится яснѣе, опредѣленнѣе, но и уже вмѣстѣ съ тѣмъ.

«Первобытная эпоха,—замѣчаетъ Бергеманнъ,—была для людей великой школой симпатическихъ чувствъ и отношеній, гдѣ вырабатывались моральныя и соціальныя свойства, которыя никогда не могли потеряться впослѣдствіи и которыя образовывали сокровищницу, навсегда оставшуюся прочнымъ достояніемъ человѣчества. Сильное чувство общей симпатіи должно было возникнуть уже въ ордѣ вслѣдствіе кровнаго родства каждаго со всѣми; въ особенности же должна была развиться симпатія въ отношеніяхъ дѣтей къ матери и дѣтей одной матери другъ къ другу. Но и эта симпатія не была еще вполнѣ чистымъ чувствомъ: когда дѣти мужали, она принимала и половую окраску, иногда совершенно теряясь въ чувствѣ половой любви. Но постепенно въ родѣ, связанномъ кровнымъ родствомъ, чувства чистой симпатіи одерживали полную побѣду надъ чувствомъ половой любви, сперва въ отношеніяхъ матери и сыновей, затѣмъ въ отношеніяхъ братьевъ и сестеръ. Въ рамкахъ материнскаго рода развились преданность изъ-за одной симпатіи, готовность на жертву, великодушная вѣрность, братскія отношенія; здѣсь всѣ стояли за каждаго и каждый за всѣхъ, это было верховнымъ принципомъ, имѣвшимъ огромное дисциплинирующее и воспитательное значеніе... По мѣрѣ того какъ люди осѣдали, пріобрѣтали родину, развивались новыя добродѣтели: любовь къ родинѣ и отчизнѣ, покоящаяся на чувствѣ принадлежности къ родной землѣ, на дружбѣ съ родною природой. По мѣрѣ развитія государства развиваются политическія добродѣтели, задатки которыхъ были, конечно, и раньше, такъ какъ извѣстная политическая организація существовала уже на первыхъ стадіяхъ развитія: но въ первобытное время эти добродѣтели проявлялись лишь въ узкихъ рамкахъ рода и являлись почти что разновидностью родовыхъ добродѣтелей. Политическія добродѣтели, вполнѣ естественно, выступаютъ на первый

планъ лишь по мѣрѣ того, какъ растетъ и расширяется общественная жизнь. Не приходится пренебрегать также старыми и родовыми добродѣтелями: онѣ являются переходною ступенью къ политическимъ добродѣтелямъ и встрѣчаются все еще и теперь, хотя и въ другихъ видахъ. Прежніе роды распались и никогда имъ не возникнуть вновь, но остается духъ, жившій въ нихъ, духъ вѣрнаго товарищества, и этотъ духъ влился въ новыя формы, напримѣръ, въ военныя организаціи, въ гильдіи и цехи среднихъ вѣковъ, многообразныя общества, корпораціи и профессіональные союзы новаго времени».

Въ той же школѣ общественнаго воспитанія, въ которой сложились соціальныя добродѣтели человѣчества, выросла и окрѣпла его духовная культура.

Только въ обществѣ изъ потребности сношеній съ себѣ подобными могло возникнуть главное орудіе культуры—человѣческій *языкъ*, сперва языкъ жестовъ, затѣмъ звуковой. Что привлекало вниманіе одного, на то старался онъ обратить вниманіе и окружающихъ, показывая жестами опредѣленный предметъ или издавая при этомъ еще и соотвѣтствующій звукъ. Подражаніе дѣлало мало-по-малу мимику и опредѣленные звуки общимъ достояніемъ.

Дальнѣйшее развитіе языка, подчиненіе его опредѣленнымъ грамматическимъ формамъ могло выработаться, конечно, тоже только на почвѣ взаимныхъ сношеній. Грамматизація языка является очень важнымъ завоеваніемъ человѣческаго духа. Научаясь народному языку, человѣкъ научается вмѣстѣ съ тѣмъ и логическому мышленію; кромѣ того, въ родной рѣчи накопленъ запасъ опыта всѣхъ предыдущихъ поколѣній и, вмѣсто того, чтобы самимъ дѣлать шаги, пройденные уже раньше, новыя поколѣнія могутъ идти впередъ, исходя, какъ отъ отправной точки, отъ опыта прежнихъ поколѣній.

Возможность закрѣплять традицію и такимъ образомъ накоплять все больше и больше культурныхъ богатствъ еще увеличилась, когда къ устной рѣчи присоединилась и письменная, возникшая также изъ потребности сношеній съ другими членами общества. И языкъ, и письмо являются самыми прочными основами культуры, особенно потому, что они могутъ сдѣлать общимъ достояніемъ каждый индивидуальный успѣхъ и постоянно обогащать такимъ образомъ общее культурное достояніе за счетъ частныхъ средствъ.

Возможность непрерывной традиціи мыслима лишь при опредѣленныхъ общественныхъ формахъ. Мало устойчивые материнскіе роды гораздо менѣе благопріятствовали ей, чѣмъ централизованная патріархальная семья. При всѣхъ отрицательныхъ свойствахъ этой семьи, только съ ея возникновеніемъ явилась возможность непрерывной традиціи отъ поколѣнія къ поколѣнію, необходимая предпосылка культурнаго развитія.

Непрерывность традиціи, означающая непрерывность суммированія всѣхъ предыдущихъ завоеваній человѣческаго духа, особенно необходима для развитія цвѣта культуры—*наукъ и искусствъ*. Между ними и между общественною жизнью существуетъ всегда самая тѣсная связь. Общественная жизнь, при извѣстной организаціи ея, не только является почвой, на которой вырастаютъ науки и искусства, не только доставляетъ матеріалъ, которымъ занимаются онѣ, но создаетъ также извѣстное общественное настроеніе, представляющее источникъ, изъ котораго черпаютъ и науки, и искусства.

«Это само собой понятно относительно искусствъ: художникъ даетъ только опредѣленную форму и выраженіе тому, что двигаетъ мысли и чувства всѣхъ. Но то же относится и къ человѣку науки: задачами его вдумчивой мысли и чувства становятся тѣ вопросы, которыми занимаются всѣ. Напомнимъ, напримѣръ, античное искусство и искусство среднихъ вѣковъ, а для новаго и новѣйшаго

времени—поэзію освободительныхъ войнъ, Юной Германіи, «соціальное» искусство нынѣшняго времени, въ области изобразительныхъ искусствъ представляемое геніальнымъ бельгійскимъ скульпторомъ Ш. Менье, въ области слова—Золя, Гауптманомъ, Зудерманомъ, Толстымъ, Адой Негри и др. Для выясненія того же положенія относительно наукъ мы должны отойти къ порѣ возникновенія ихъ, когда связь ихъ съ общественной жизнью была несомнѣнна. «Такъ, при началѣ греческой науки ея задачами были тѣ же, что занимали умы всѣхъ: это были вопросы о происхожденіи вещей, матеріи, мірового строя и мірового развитія, о сходствѣ и различіи живыхъ и мертвыхъ тѣлъ и т. д. Мы не говоримъ уже о различныхъ прикладныхъ вопросахъ, разработка которыхъ стала возможна съ той поры, когда накопился достаточный запасъ наблюденій и понятій, дававшій надлежащую основу для дальнѣйшей работы мысли. То, что давали художникъ и мыслитель, въ свою очередь оплодотворяло общественную мысль, облагораживало и углубляло ее, становилось общимъ духовнымъ достояніемъ, передававшимся путемъ воспитанія отъ одного поколѣнія къ другому. При высоко развитой общественной жизни, забота о наукахъ и искусствахъ становится непосредственно общественнымъ дѣломъ. «Основываются школы и библіотеки, академіи и музеи, завѣдываніе которыми поручается общественнымъ уполномоченнымъ; наконецъ, отъ каждаго члена общества начинаютъ требовать опредѣленнаго минимума знаній и навыковъ».

Въ средѣ той же общественной жизни и только въ ней одной, какъ нормы для регулированія ея, возникаютъ обычаи, право, мораль.

Обычаи, право и мораль вначалѣ представляютъ нѣчто единое, вѣрнѣе, вначалѣ все это замѣнялось обычаемъ, который самымъ мелочнымъ и строгимъ образомъ регламентировалъ всѣ проявленія жизни. Мы и теперь видимъ это у первобытныхъ народовъ, являющихся (во-

преки ходячему представленію о жизни дикарей, какъ о жизни, свободной отъ всякихъ стѣсненій) просто рабами обычая. Обычай у нихъ, какъ и выдѣлившееся впослѣдствіи изъ него право, поддерживается самыми энергичными воздѣйствіями и физическаго, и психическаго характера. Пренебреженіе обычаемъ можетъ стоить иногда жизни, не говоря о тѣлесныхъ наказаніяхъ. Въ извѣстномъ смыслѣ обычай сохранилъ свою силу и донынѣ, только это сила не физическаго, а моральнаго принужденія. Какъ бы ни казались безсмысленными и нецѣлесообразными многіе обычаи теперь (какъ могутъ казаться нецѣлесообразными многіе инстинкты животныхъ), но первоначально они выросли изъ тѣхъ произвольныхъ дѣйствій, которыя признавались обществомъ полезными.

Въ простомъ первобытномъ обществѣ полезное для одного являлось также полезнымъ и для каждаго другого, а что признавалось полезнымъ для каждаго, пренебреженіе чѣмъ грозило вредомъ для всѣхъ, то дѣлалось обязательною для всѣхъ нормой. Въ свое время обычай предписывалъ одновременно и индивидуально-полезныя, и обще-полезныя нормы поступковъ. Многіе обычаи могли вырасти на почвѣ религіозныхъ представленій, многіе— сложиться въ результатѣ безсознательнаго приспособленія къ жизни и затѣмъ получить санкцію общества, какъ обязательная для всѣхъ, подъ страхомъ кары, норма поведенія.

Въ общественной средѣ мало-по-малу преобразовываются и тѣ *внутренніе стимулы*, которые опредѣляютъ дѣятельность человѣка. Въ результатѣ вѣковой борьбы за существованіе у живыхъ существъ выработалось стремленіе къ самосохраненію и самосовершенствованію. Но чѣмъ больше человѣкъ становится не индивидуальнымъ, а общественнымъ существомъ, тѣмъ въ большей степени эти стимулы пополняются стремленіемъ къ сохраненію и совершенствованію рода, понятіе о которомъ стано-

вится все шире, глубже и полнѣе, по мѣрѣ прогресса человѣчества. Сперва инстинктивно, а потомъ сознательно начинаетъ признаваться хорошимъ все то, что помогаетъ сохраненію рода, способствуетъ его совершенствованію, худымъ—все, препятствующее его сохраненію и росту. Хорошо также сохраненіе и совершенствованіе собственной личности, поскольку оно служитъ сохраненію и совершенствованію рода, является средствомъ для достиженія высшей цѣли: благо индивида является низшимъ, подчиненнымъ, по сравненію съ благомъ цѣлаго. Совершенствованіе этого цѣлаго, поднятіе его на возможно большую высоту (что мыслимо лишь при совершенствованіи всѣхъ частей цѣлаго, при участіи всѣхъ въ культурныхъ благахъ) является высшей цѣлью жизни. Всѣ шансы выжить и сохраниться навсегда имѣютъ тѣ нормы поведенія, цѣлесообразность которыхъ для сохраненія и совершенствованія цѣлаго доказана вѣковымъ опытомъ жизни, и пренебреженіе которыми грозитъ гибелью цѣлому. Наоборотъ, лишь на временное существованіе могутъ разсчитывать тѣ нормы, которыя не согласуются съ благомъ цѣлаго.

Совершенствованіе и сохраненіе цѣлаго является высшимъ закономъ жизни и воспитать сознаніе этого закона, готовность выполнять его—важнѣйшая задача воспитанія. «Задача воспитанія, — говоритъ Бергеманнъ,—можетъ состоять лишь въ томъ, чтобы дать обществу такого человѣка, который былъ бы готовъ радостно отдаться цѣлому, положить всѣ свои силы на сохраненіе и совершенствованіе его. Благородный трепетъ долженъ охватить въ концѣ воспитательнаго періода душу юноши или дѣвушки, когда у нихъ вполнѣ откроются глаза, когда они получатъ возможность окинуть взглядомъ тотъ величественный процессъ развитія, который частью уже пройденъ, а частью еще будетъ пройденъ человѣческимъ родомъ. Изъ такого состоянія души вырастаетъ горячее желаніе, твердая рѣшимость положить всѣ свои силы на

то, чтобы вести человѣчество все дальше «впередъ». Вырастаетъ бодрая охота трудиться неустанно. И именно идея безконечнаго совершенствованія, а не абсолютныя и неизмѣнныя предписанія могутъ воодушевить подрастающія поколѣнія. Зрѣлый человѣкъ можетъ при обстоятельствахъ настолько увлечься величіемъ абстрактной идеи, чтобы цѣликомъ опредѣляться и руководиться ею. Дитя не можетъ еще понять этого, у него нѣтъ пока соотвѣтственнаго органа. Дитя всегда хочетъ знать, почему оно должно дѣлать то, а не другое. Ссылка на абстрактную идею не имѣетъ для него никакого значенія. Наоборотъ, оно очень хорошо понимаетъ, что должно дѣйствовать ради опредѣленной цѣли, что тотъ или другой поступокъ добръ или хорошъ, смотря по тому, какъ онъ отражается на благополучіи людей. Такое мѣрило понятно для него по тѣмъ отношеніямъ; въ какихъ оно само стоитъ къ другимъ, понятно по собственному положенію въ той группѣ, къ которой оно само принадлежитъ».

Подчиняя всѣ стремленія одной высокой цѣли, соціальная педагогика нисколько не стремится подавить въ человѣкѣ его личности. Наоборотъ, для нея въ высшей степени важно добиться созданія свободныхъ личностей, крѣпкихъ характеровъ, которые «умѣли бы выбивать изъ себя искры жизни, такъ какъ только такіе свободные люди, такія въ извѣстной степени сами себя создающія личности являются полноправными членами общества, и однѣ онѣ могутъ вполнѣ охватить и выполнить цѣли человѣчества».

Но не маленькая частичка народа, а весь онъ долженъ оставлять матеріалъ для созданія такихъ личностей. «При настоящемъ же положеніи воспитанія на одной сторонѣ стоитъ маленькое, микроскопически маленькое меньшинство высоко развитыхъ, тонко чувствующихъ, всесторонне развитыхъ людей, а на другой — огромная подавляющая масса, которая на всю жизнь остается съ неразвитою мыслью и чувствомъ, едва подымаясь надъ стадіей вар-

варства. Европейскіе культурные народы—все еще не культурные, а варварскіе народы: 95% людей все еще не затронуто культурой. Чтобы не подвергать вопросу самую возможность сохраненія культуры, нужно уничтожить эту противоположность между массой и отдѣльными безконечно выдающимися надъ нею утонченно-культурными единицами. Удовлетворительное разрѣшеніе этой задачи возможно только путемъ поднятія уровня массы, воспитанія изъ всѣхъ людей «личностей». Только когда это случится, снова станетъ радостно жить и трудиться, только тогда каждый снова станетъ любить общество и охотно отдавать ему всѣ свои силы».

Надъ сохраненіемъ и совершенствованіемъ человѣческаго рода человѣкъ можетъ, въ большинствѣ случаевъ, трудиться не прямо, а лишь посредственно, путемъ работы въ тѣхъ болѣе тѣсныхъ кругахъ, къ которымъ онъ самъ принадлежитъ, и путемъ работы для своего роднаго народа, составляющаго лишь часть человѣчества. Тому обществу, тому народу, который наложилъ на его развитіе наиболѣе несомнѣнную печать, человѣкъ и долженъ отдать наибольшую долю своихъ силъ, что, конечно, не освобождаетъ его отъ обязанности помнить и о той связи, которая существуетъ между его народомъ и другими народами, а также всѣмъ человѣчествомъ. Эта связь становится ясной для каждаго, кто умѣетъ заглянуть въ глубь себя: кромѣ индивидуальныхъ особенностей и тѣхъ характерныхъ чертъ, которыя наложила на его душу принадлежность къ опредѣленному народу, онъ увидитъ въ себѣ еще много такихъ свойствъ, которыя присущи и другимъ народностямъ и, наконецъ, и всѣмъ людямъ. Такое соединеніе разнообразныхъ чертъ вполнѣ понятно при тѣхъ взаимоотношеніяхъ, которыя существуютъ между различными народами и видоизмѣняютъ народный характеръ, при общности происхожденія человѣческаго рода и при тѣхъ варіаціяхъ, которыя явились слѣдствіемъ приспособленія къ спеціальнымъ условіямъ среды. Бла-

годаря всѣмъ тѣмъ общимъ вліяніямъ, которымъ подвергался и самъ человѣкъ, и его предки, въ его душѣ существуетъ масса нитей, не имъ сотканныхъ и привязывающихъ его къ разнообразнымъ—и широкимъ, и узкимъ—кругамъ жизни. Большею и лучшею частью того, что человѣкъ зоветъ своимъ духовнымъ достояніемъ, онъ обязанъ не самому себѣ, а тѣмъ отношеніямъ, въ которыя онъ сталъ съ самыхъ раннихъ лѣтъ. Чѣмъ больше человѣкъ вглядывается въ свой внутренній міръ, тѣмъ яснѣе сознаетъ онъ, что весь его физико-психическій организмъ—созданіе долгой и многосложной исторіи, что, по сравненію съ этимъ историческимъ достояніемъ, его собственное, оригинальное—почти исчезающая по своей ничтожности величина. «Отдѣльный», независимый отъ прошлаго человѣкъ не существуетъ въ дѣйствительности. Нѣтъ ничего, что не было бы обусловлено предыдущимъ, что не вытекало бы изъ него. «Что былъ бы Лютеръ безъ предшествующихъ реформаторовъ, безъ возрожденія, безъ гуманизма, безъ общихъ темныхъ порываній къ освобожденію отъ гнета надъ совѣстью въ католической церкви. Нѣтъ ничего совершенно единственнаго въ своемъ родѣ. Даже по чувствамъ мы — однородная масса. Иначе была бы не мыслима религіозная реформація въ XVI в., французская революція въ XVIII, освободительныя войны на XIX вѣкѣ». Въ строѣ нашихъ мыслей и чувствъ мы такъ тѣсно связаны съ нашими предками и современниками, что каждое отступленіе отъ общепринятыхъ мыслей и чувствъ причиняетъ мученіе. И мы тяжело страдаемъ, когда начинаемъ отдѣлываться даже отъ тѣхъ традицій, которыя уже потеряли смыслъ и сохраняются лишь какъ пустая скорлупа безъ ядра. «На долю первыхъ, кто рѣшится порвать съ традиціоннымъ порядкомъ, выпадаетъ мученическій вѣнецъ. И только по мѣрѣ того, какъ новый строй мыслей выходитъ изъ зародышеваго состоянія, освобожденіе отъ старыхъ формъ совершается все менѣе болѣзненно и приводитъ къ новому общему

строю мыслей, чувствъ, желаній, по крайней мѣрѣ, относительно новому, такъ какъ связь съ прошлымъ никогда не можетъ быть вполнѣ уничтожена. Вѣдь новый строй мыслей является плодомъ стараго и т. д. до той отдаленной поры, когда заря разума впервые забрезжила на землѣ».

Такимъ образомъ духовный міръ каждаго отдѣльнаго человѣка и теперь является, и всегда былъ частичнымъ отраженіемъ духовнаго міра всего общества, коллективныхъ мыслей, чувствъ и желаній. Этотъ общій духовный міръ, или коллективная, соціальная душа, какъ называетъ его Бергеманнъ, проявляется въ характерѣ народа, его учрежденіяхъ, въ присущихъ всѣмъ соціальныхъ чувствахъ, въ нравахъ и обычаяхъ, въ правѣ, въ морали. Міръ этотъ устойчивъ и мало подвиженъ, но, подобно тому, какъ подлежитъ развитію индивидуальная душа, такъ же способна развиваться и душа коллективная. Ея прогрессивное измѣненіе возможно не путемъ видоизмѣненія каждаго отдѣльнаго индивида, входящаго въ составъ общества: вѣдь послѣднее не конгломератъ индивидовъ, а органическое цѣлое, могущее измѣняться лишь при измѣненіи общихъ условій жизни. На эти общія условія прежде всего и приходится обратить вниманіе всякому воспитателю, уяснившему себѣ, что индивидуальный духовный міръ является, главнымъ образомъ, отраженіемъ коллективнаго, и что часть можетъ быть нормальною лишь въ томъ случаѣ, если нормально цѣлое. Одинаково важны при этомъ и матеріальныя, и духовныя условія жизни. «Созданіе надлежащихъ матеріальныхъ условій жизни, какъ само собой очевидно, имѣетъ, — говоритъ Бергеманнъ,—фундаментальную важность для успѣшнаго развитія жизни какъ всего цѣлаго, такъ и частей его. Только на прочной основѣ нормальныхъ матеріальныхъ условій жизни могутъ быть воздвигнуты устойчивыя формы жизни идеальнаго или духовнаго порядка. Безъ такой основы

духовное зданіе будетъ подобно карточному домику, воздвигнутому на пескѣ и могущему быть опрокинутымъ малѣйшимъ дуновеніемъ вѣтерка».

Измѣненіе условій жизни совершается не только стихійнымъ путемъ, но и сознательнымъ вмѣшательствомъ такихъ индивидовъ, которые, въ противоположность пассивному большинству, умѣютъ болѣе или менѣе самостоятельно перерабатывать получаемыя впечатлѣнія и дѣйствовать, сообразно со своими убѣжденіями, при томъ дѣйствовать не въ одиночку, а дружными усиліями.

Въ содѣйствіи выработкѣ нормальныхъ условій жизни и въ подготовкѣ активныхъ и сознательныхъ общественныхъ работниковъ и приходится видѣть свою задачу сторонникамъ общественнаго воспитанія.